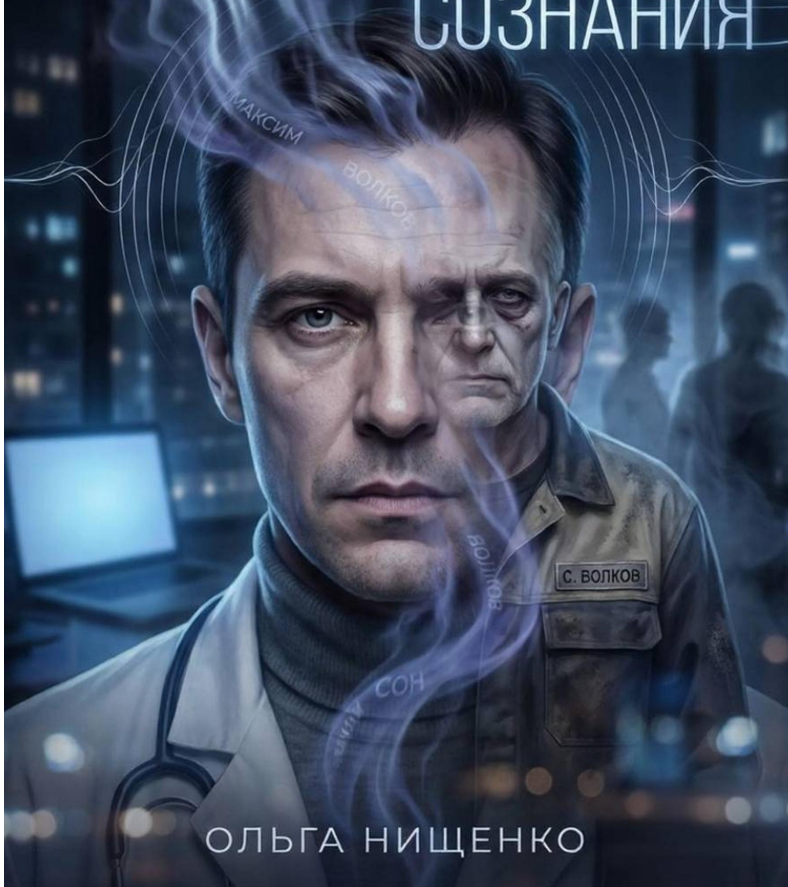

ЭПИДЕМИЯ СОЗНАНИЯ

ОЛЬГА НИЩЕНКО

Ольга Нищенко

Эпидемия сознания

<https://litres.ru/73304678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сны стали порталом в чужие жизни. Люди видят смерть незнакомцев, помнят их имена, чувствуют их боль. Граница между живыми и мёртвыми стирается.

Доктор Максим Ковалёв пытается остановить эпидемию сознания, но сам оказывается втянут в этот кошмар.

Сможет ли он сохранить себя или станет частью чего-то большего?

Ольга Нищенко

Эпидемия сознания

1. «Сны мёртвых»

Город N, октябрь 2025 года. Дождь стучал по козырьку подъезда, как будто выбивал одну и ту же фразу: «Пора спать. Пора спать». Максим Ковалёв, невролог городской больницы № 7, стоял на крыльце и курил, глядя, как капли разбиваются о лужи. В три часа ночи смена закончилась, но домой не тянуло.— Опять засиделся? — окликнула его медсестра Люба, вынырнув из-за двери с пакетом мусора. — Ты бы отдыхал, Максим. Глаза красные, как у вампира. Он усмехнулся:— Вампиры не устают. А я — человек.

Люба покачала головой, бросила пакет в контейнер и тихо добавила:— Знаешь, у нас в отделении... странные вещи творятся. Максим затушил сигарету:— В смысле?— Пациенты. Те, что с бессонницей. Говорят, видят сны. Но не свои. Он нахмурился:— Чьи же?— Мёртвых.

В кабинете было душно. Максим включил компьютер, открыл электронную карту пациента — 42-летний мужчина, поступил с жалобами на бессонницу, галлюцинации, дезориентацию. В графе «анамнез» — ни травм, ни психических расстройств, ни инфекций. *Запись от 12 октября:* «Пациент утверждает, что каждую ночь видит смерть незнакомого человека. Описывает детали: запах гари, звук разбитого

стекла, боль в груди. Говорит, что это не сон, а „воспоминание“. Настаивает, что умер в машине, разбившейся на трассе М-7 в 2019 году. Требуем найти семью погибшего».

Максим прокрутил дальше. Ещё один случай. Ещё. Ещё. К утру на столе лежала стопка распечаток — 17 историй за последние две недели. Все — однотипные: * пациенты видели смерть других людей; * описывали детали, которые невозможно было знать; * утверждали, что «помнят» чужую жизнь; * некоторые начинали говорить от имени мертвецов.— Это не психоз, — пробормотал Максим, разглядывая графики ЭЭГ. — Это что-то другое.

На следующий день он поехал в психиатрическую больницу на окраине города. Там лежал один из первых «сомнамбул» — бывший учитель истории, 58 лет.— Меня зовут Игорь Петрович, — представился мужчина, сидя на краю кровати. Взгляд — ясный, голос — спокойный. — Но иногда я — Сергей. Сергей Волков, погиб в 2021-м при обрушении шахты.— Вы уверены, что это не фантазия? — спросил Максим.— Уверен. Я знаю, как пахнет уголь. Знаю, как звучит сигнал тревоги в забое. Знаю, что Сергей не успел сказать жене, что любит её. Это не мои воспоминания. Но они — во мне.Максим достал блокнот:— Как это началось?— Сначала сны. Потом — голоса. Потом — чужие мысли среди дня. Теперь я... разделен. Иногда я — Игорь. Иногда — Сергей. Иногда — мы оба.— И что вы чувствуете?— Страх. И вину. Я не должен быть здесь. Он должен был умереть. А

я... я живу за него.

Вечером Максим вернулся домой. Квартира встретила тишиной. Жена уехала к матери, сын — в лагере. Он налил себе чай, сел у окна и открыл ноутбук. Вбил в поисковик: «Сны о мёртвых. Массовые случаи». Первые ссылки — местные форумы. Потом — федеральные СМИ. Потом — зарубежные статьи.

«В США зафиксированы случаи „перекрёстных воспоминаний“ у людей, не связанных между собой».* «Учёные из Кембриджа: феномен может быть связан с квантовой запутанностью сознания».* «В Китае ввели карантин в провинции Сычуань из-за вспышек „сонного вторжения“».

Максим закрыл ноутбук. За окном шумел дождь. Он посмотрел на часы — 23:47. Пора спать. Но спать не хотелось. Он лёг, закрыл глаза. И почти сразу увидел

Тёмная дорога. Фары. Удар. Боль. Крик. Запах крови и жжёной резины.* «Это не мой сон», — подумал он. «Нет, — ответил голос в голове. — Это мой».

Утром Максим проснулся с чужим именем на губах. — Дмитрий, — прошептал он. — Дмитрий Орлов. Он помнил: 34 года, работал в автосервисе, погиб в аварии на трассе М-7. Помнил жену, которая ждала его дома. Помнил, как не успел позвонить ей перед поездкой. Руки дрожали. Он подошёл к зеркалу. В глазах — чужие зрачки. В голове — чужой страх. — Я — Максим, — сказал он вслух. — А я — Дмитрий, — ответил голос внутри. Телефон зазвонил. На экране — номер

Любы.— Максим, — её голос звучал испуганно. — У нас ещё двое. Они говорят, что... что они уже не они. Он закрыл глаза. Дождь стучал по подоконнику.

Глава 2. Границы сознания

Максим едва успел натянуть куртку, когда в дверях кабинета возникла Люба. Её обычно румяное лицо было бледным, глаза — широко раскрыты.

— Там... — она запнулась, — там уже пятеро. И они говорят одновременно.

Он бросился за ней по коридору. В палате № 3 толпились медсёстры. На койках лежали пациенты — глаза открыты, губы шевелятся, но звуки разнонаправленные, будто в комнате включили несколько радиостанций на разных волнах.

— Я не могу дышать... — шепчет один.

— Она ждёт меня у колодца... — бормочет другой.

— Это не моя кровь... — вскрикивает третий.

Максим подошёл к первому пациенту — молодому парню в больничной пижаме.

— Как вас зовут?

Парень повернул голову. Взгляд — пустой, но в следующий миг в глазах вспыхивает осмысленность.

— Меня зовут Алексей. Но это тело — не моё. Я — Виктор. Виктор Смирнов. Умер в 2020-м.

— Как вы оказались здесь?

— Не знаю. Сначала были сны. Потом — голоса. Теперь я... я живу в нём. Он всё ещё тут, но его становится меньше.

Максим обернулся к Любе:

— Они теряют себя?

Она кивнула:

— Некоторые уже не помнят, кто они. Говорят только от имени мёртвых.

К полудню в отделении объявили карантин. Главный врач, седой и строгий Николай Иванович, собрал персонал в конференц-зале.

— Это не инфекция, — заявил он, стуча пальцем по столу. — Нет ни вируса, ни бактерий. Но что-то происходит. И если мы не поймём, через месяц половина города будет говорить чужими голосами.

— Может, это массовый психоз? — предположил один из интернов.

— Психоз не оставляет следов на ЭЭГ, — отрезал Максим. — У всех пациентов — одинаковые аномалии: активность в зонах, отвечающих за автобиографическую память, зашкаливает. Как будто в мозгу два хозяина.

— И что это значит? — спросила Люба.

— Что мёртвые не просто «приходят» во снах. Они *остаются*.

Вечером Максим сидел в своём кабинете, окружённый распечатанными снимками мозга. На одном — его собственный ЭЭГ-график за последние три дня. Линия, обозначающая активность гиппокампа, постепенно смещалась в зону, характерную для пациентов.

«Я заражаюсь», — подумал он.

В дверь постучали. Вошёл Николай Иванович.

— Ты видел новости? — без предисловий начал он, кладя на стол планшет.

На экране — заголовок: *«Феномен „переселения“ охватил три региона. Власти вводят режим ЧС»*. Ниже — видео: толпа людей на площади, все говорят на разных языках, некоторые плачут, другие смеются.

— Это уже не локальная проблема, — сказал главный врач. — В Москве создали спецкомиссию. Нас вызывают на совещание.

— Когда?

— Завтра. И ты едешь с нами. Ты единственный, кто хоть что-то понимает в этом кошмаре.

Ночью Максим снова увидел сон.

Он стоял на перроне вокзала. Вокруг — люди с чемоданами, дети смеются, кто-то кричит в телефон. Потом — резкий свист. Удар. Огонь. Боль в спине. Он падает, видит свои руки — чужие руки, на безымянном пальце — кольцо.

«Это не я», — пытается сказать он.

«А кто тогда?» — отвечает голос.

Проснулся он в холодном поту. Часы показывали 4:17. В углу комнаты что-то шевельнулось.

— Кто здесь? — хрипло спросил он.

Тишина.

Но он знал: *кто-то* был.

Утром в аэропорту их ждала чёрная машина. Совещание проходило в закрытом режиме в одном из корпусов НИИ нейронаук. В конференц-зале — десяток человек: чиновники, военные, учёные.

— Мы имеем дело с феноменом, который не укладывается в существующие модели, — начал докладчик, седоволосый профессор в очках. — Это не вирус, не психическая эпидемия, не массовый гипноз. Это... вторжение.

— ВтоРжение? — переспросил один из военных. — Чьё?

— Мёртвых. Их сознания, по всей видимости, нашли способ проникать в живые мозги через сны. Механизм неизвестен, но последствия очевидны: постепенное замещение личности.

— И как это остановить? — спросил Николай Иванович. Профессор помолчал.

— Пока — никак. Но есть гипотеза: если найти «точку входа» — место, где феномен начался, — возможно, удастся локализовать его.

— Где эта точка? — резко спросил Максим.

— Мы не знаем. Но первые случаи зафиксированы в трёх городах: наш, Казань и Екатеринбург. Все — на пересечении крупных транспортных артерий.

— Трасса М-7, — прошептал Максим. — Авария, о которой мне снилось...

Все повернулись к нему.

— Вы видели это во сне? — уточнил профессор.

— Да. Мужчина по имени Дмитрий Орлов. Погиб на М-7 в 2023-м. Я помню детали: номер машины, время, даже запах жжёной резины.

Профессор обменялся взглядом с коллегами.

— Это может быть ключом. Если вы способны «видеть» через воспоминания мёртвых, возможно, вы сможете отследить источник.

— Каким образом?

— Вернуться туда. На место аварии.

Через два часа Максим уже сидел в машине, направлявшейся к трассе М-7. С ним — Люба (она настояла) и двое сотрудников НИИ с оборудованием.

Дорога тянулась серой лентой сквозь осенний лес. Деревья стояли голые, капли дождя стучали по крыше.

— Ты уверен, что это не опасно? — спросила Люба, глядя в окно.

— Нет, — честно ответил он. — Но если это поможет понять, что происходит...

Они остановились у обочины. Здесь, по его сну, разбилась машина Дмитрия Орлова. Максим вышел из автомобиля. Ветер рванул куртку, дождь тут же проник за воротник.

Он закрыл глаза.

И сразу — вспышка.

Фары встречной фуры. Скрип тормозов. Удар. Звон стекла. Крик.

— Максим! — голос Любы.

Он открыл глаза. В руках — что-то твёрдое. Он посмотрел: ржавый ключ зажигания, покрытый бурыми пятнами.

— Это... его, — прошептал он. — Дмитрия.

— Откуда он у тебя? — спросила Люба.

Он не знал.

Но где-то в глубине сознания раздался голос:

«Ты нашёл меня. Теперь слушай».

Глава 3. Точка входа

Дождь не прекращался. Асфальт трассы М-7 блестел, как чёрное зеркало, в котором отражались огни фар и тусклые силуэты деревьев. Максим стоял у обочины, сжимая в руке ржавый ключ зажигания — тот самый, что появился в его ладони словно из ниоткуда.

— Это точно он? — тихо спросила Люба, приглядываясь к отметинам на металле.

— Точно, — ответил Максим, не отрывая взгляда от ключа. — Дмитрий Орлов держал его в руке в последние секунды жизни. Я *помню* это.

Люба переглянулась с двумя сотрудниками НИИ, которые раскладывали оборудование прямо на мокром асфальте. Один из них, молодой физик Артём, включил портативный сканер. На экране запрыгали графики.

— Здесь аномалия, — пробормотал он. — Уровень электромагнитного поля в три раза выше нормы. И... смотрите.

Он развернул экран. На фоне серых линий пульсировал

странный узор — словно кто-то пытался пробиться сквозь экран в виде хаотичных всплесков.

— Что это? — спросил Максим.

— Не знаю. Но похоже на... сигнал. Или на попытку установить связь.

Через час они разбили импровизированный лагерь: палатка с аппаратурой, прожекторы, освещающие участок дороги, и три человека, замершие в ожидании.

— Мы предполагаем, что это место — «точка входа», — объяснял Артём, тыкая пальцем в карту на планшете. — Первые случаи зафиксированы в радиусе 50 км от этой точки. Потом волна пошла дальше.

— Как будто кто-то открыл дверь, — добавила Люба.

Максим молчал. Он чувствовал: что-то *шевелится* в его голове. Чужие мысли, чужие воспоминания — они стали громче, настойчивее.

— Дмитрий, — прошептал он. — Ты здесь?

Тишина. Потом — едва уловимый шёпот:

«Я ждал тебя».

В полночь началось.

Сначала — лёгкое дрожание земли. Потом — звук, похожий на отдалённый гул поезда. Сканеры взвыли, экраны заполнились хаотичными линиями.

— Что происходит?! — крикнула Люба.

— Не знаю! — Артём лихорадочно щёлкал кнопками. — Всё зашкаливает! Это не природное явление!

Максим поднял голову. В небе, над трассой, появилось... *что-то*. Не облако, не свет, а размытая граница между реальностью и чем-то иным. Как будто мир треснул, и сквозь трещину пробивался чужой свет — бледно-голубой, мерцающий.

— Это оно, — прошептал Максим. — Дверь.

Из трещины полились образы:

женщина в старомодном платье, её губы шевелятся, но слов не слышно;

* мальчик, бегущий по полю, его смех обрывается криком;

* солдат в окопе, сжимающий фотографию семьи;

старик у окна, его рука тянется к стеклу.

Все они смотрели на Максима.

— Они хотят войти, — сказал он. — Но не могут. Пока.

— Почему? — спросила Люба.

— Потому что им нужен... проводник.

Артём вдруг замер. Его глаза расширились.

— Смотрите!

На экране сканера появилось лицо. Знакомое. Максим узнал его мгновенно.

— Дмитрий Орлов, — выдохнул он.

Лицо на экране медленно повернулось. Губы шевельнулись:

«Ты видишь меня?»

— Да, — ответил Максим вслух.

«Тогда слушай. Это не случайность. Нас... выпустили. Кто-то открыл дверь. И теперь мы ищем, куда войти».

— Кто вас выпустил?!

Молчание. Потом — ещё один всплеск образов:

лаборатория с рядами колб;

человек в белом халате, его лицо скрыто тенью;

цифры на экране: «ПРОТОКОЛ 7-А»;

взрыв, огонь, чёрный дым.

«Он хотел спасти нас. Но создал ад»,* — прошептал

Дмитрий.

— Кто?!

Но лицо на экране уже таяло. Остался только голос:

«Найди... лабораторию...»

И — тишина.

Сканеры отключились. Небо очистилось. Дождь перестал.

Утром они собирали вещи в молчании. Артём выглядел так, будто не спал неделю. Люба куталась в куртку, её глаза были красными.

— Ты в порядке? — спросил Максим у неё.

Она кивнула, но взгляд был отстранённым.

— Просто... я тоже начала слышать. Голоса. Пока тихо, но...

Максим сжал её руку.

— Мы разберёмся.

Артём подошёл к ним, держа в руках распечатки данных.

— Вот что я нашёл, — сказал он, протягивая лист. — В

20 км отсюда была закрытая лаборатория. Финансировалась государством. Закрыта после аварии в 2022-м.

Максим посмотрел на координаты. Место находилось в глухом лесу, вдали от дорог.

— Там всё началось, — понял он. — И там мы найдём ответы.

— Или конец, — тихо добавила Люба.

Максим взглянул на трассу, на то место, где ночью появилась трещина. Где-то там, в темноте, ждали тысячи мёртвых. И они знали его имя.

— Поехали, — сказал он. — У нас мало времени.

. Глава 4. Лаборатория теней

Дорога в глухом лесу казалась бесконечной. Асфальт давно сменился разбитой грунтовкой, а деревья сомкнулись над головой, словно не желая пускать чужаков к своей тайне. Максим вцепился в руль, чувствуя, как внутри нарастает странное волнение — будто он уже бывал здесь, но много лет назад.

— Ты уверен, что это та дорога? — в сотый раз спросила Люба, вглядываясь в темноту за окном.

— Дмитрий показал мне путь во сне, — тихо ответил Максим. — Я помню эту развилку. Через триста метров будет указатель.

— Данные сканера совпадают. Электромагнитное поле усиливается. И... — он нахмурился, глядя на экран, — есть ещё один сигнал. Слабый, но устойчивый. Похоже на аварий-

ный маяк. Артём, сидевший сзади с ноутбуком, поднял голову:

— Аварийный маяк? — переспросил Максим.

— Да. Такие ставят на случай утечки опасных веществ или выхода экспериментов из-под контроля. Лаборатория подаёт сигнал тревоги.

— Значит, там всё ещё что-то происходит? Люба вздрогнула:

— Похоже на то, — Артём сверил координаты. — И он пульсирует с той же частотой, что и трещина — 432 МГц.

— Тем более нам нужно туда. Если лаборатория всё ещё активна, возможно, мы найдём способ её отключить. Максим сжал руль:

У ворот

Ржавые ворота были приоткрыты — кто-то уже побывал здесь до них. На земле виднелись свежие следы шин и отпечатки ботинок.

— Не только мы ищем ответы, — заметил Артём, доставая сканер. — Уровень излучения в 5 раз выше нормы. И... смотрите.

Он развернул экран. На фоне серых линий пульсировал тот же узор, что они видели на трассе М 7 — хаотичные всплески, словно кто-то пытался пробиться сквозь экран.

— Они ждали нас. Или его. Люба коснулась ворот:

Максим сжал в руке ключ, который появился у него в ладони на месте аварии. Металл был холодным, с выгравиро-

ванным узором — спиралью, обвивающей каплю.

— Пойдёмте, — сказал он. — Пора узнать правду.

Внутри лаборатории

Дверь поддавалась неожиданно легко. Внутри царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых часов на стене. Пыль покрывала столы, но кое-где виднелись свежие следы — будто кто-то ходил здесь совсем недавно.

Максим поднял с пола папку с надписью «ПРОТОКОЛ 7-А». Внутри лежали фотографии: группа учёных в белых халатах, схемы кристалла, записи о «контакте с квантовым полем сознания». На последней странице — запись от руки:

«Эксперимент вышел из-под контроля. Трещина открыта. Мы пытаемся её закрыть, но она... зовётнас. Кто-то должен остаться внутри, чтобы удерживать барьер».

— Дмитрий был здесь, — Максим перевернул страницу. — Он один из них. И он осталсявнутри.

Артём включил портативный генератор, и несколько ламп зажглись, отбрасывая длинные тени. В дальнем конце зала виднелась дверь с табличкой «Камера 3 — Центральный узел».

— Я слышу голоса. Не так, как раньше. Они... просят о помощи.Люба замерла:

Эксперимент в лаборатории

Они вошли в камеру 3. В центре комнаты стоял массивный стол с закреплённым на нём кристаллом — точно таким же, как тот, что они видели на экране сканера на трассе. Но

этот светился бледно-голубым, пульсируя в такт дыханию.

— Это сердце трещины, — прошептал Максим. — Оно поддерживает связь между миром и тем, что внутри.

— Кристалл синхронизирован с мозговой активностью. Он копирует сознания. Те, кто застрял в трещине, пытаются вернуться через него. Артём проверил данные:

— Но почему именно сейчас? Почему волна заражений пошла после метеорита? Люба подошла ближе:

Максим указал на схему на стене:

«Протокол 7-А: активация кристалла через внешний импульс. Источник: высокоэнергетическое событие (взрыв, падение метеорита и т. д.)»

— Метеорит стал спусковым крючком, — понял он. — Он пробудил кристалл. И теперь трещина расширяется.

— Здесь можно управлять экспериментом. Смотрите — журнал записей. Последний запуск был три дня назад. Кто-то пытался перезапустить систему. Артём подошёл к консоли у стены:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.